

УДК 82.09

## СТРАТЕГИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В КНИГЕ М. ВОЛОШИНА

### «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ»

*Остапенко И. В.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»  
Симферополь, Россия  
e-mail: i\_ostapenko@mail.ru

В статье осуществлен анализ стратегий авторского сознания по формированию книги М. Волошина «Демоны глухонемые», который позволил выявить характер авторско-геройных отношений, описать сущность лирического сюжета книги в целом и определить характер ее лирического субъекта. Авторско-геройные отношения отличающихся усилением в лирическом дискурсе эпического и драматического начал, что в итоге приводит к синкретизму родовых отношений, характерному для фольклорных и библейских текстов. В книге выявлена пятчастная структура, что отличает ее организацию от ранее сформированных сборников. Лирический сюжет книги вписан в авторскую концепцию иерархии христианской Церкви. Центральное место в книге принадлежит вступительному стихотворению «Демоны глухонемые», где заявлена онтологическая проблема – сущность божественного промысла, осмысление которой стало целью авторских поисков. С волошинской схемой церковной иерархии, где в форму креста вписаны евангелисты, пророки, звери зодиака и «общественные соответствия» в эволюционном и инволюционном ракурсе коррелируют основные демонические проявления человечества, которые акцентируются в четырех разделах – 1 – возмездие и справедливость; 2 – свобода и насилие; 3 – бунт и своеволие; 4 (поэма) – упорство и гордыня. Лирический субъект-поэт в книге решает когнитивную проблему авторского сознания – выявляет и «называет» «глухонемых» сущностей, освобождая таким образом человека, народ, страну не столько от их присутствия, сколько от внутреннего «мрака», что возвращает «душе» ее первоначальный божественный облик.

**Ключевые слова:** М. Волошин, книга «Демоны глухонемые», лирика, лирический субъект, лирический сюжет, авторское сознание, авторско-геройные отношения, ролевой герой, лирический, эпический, драматический дискурс.

«Поэт в России – больше чем поэт...». Эта формула Е. Евтушенко в полной мере характеризует фигуру Максимилиана Волошина в русской, и не только в русской, культуре, претерпевшей в начале XX века глобальные трансформации. Максимилиан Волошин в своей творческой деятельности «по божественному соизволению» дерзнул приблизиться к «пытающему горну» и взглянуть на «душу человеческую такой, как она есть» [3, с. 583].

В текущем, 2019 году, отмечается столетний юбилей издания книги поэта «Демоны глухонемые» – последней собранной автором и напечатанной в России при его жизни. Книги о «Революции», в которой Максимилиан Волошин поэтически

средствами воссоздал «трагедию отдельной человеческой души, кинутой в темный лабиринт страстей и заблуждений» [5, с. 33].

Трагическое мироощущение проникает в художественный мир Максимилиана Волошина гораздо раньше и оформляется поэтически в книге «Anno mundi ardentis. 1915» (1916) («В Год мирового Пожара»). Тогда преимущественно символистско-импрессионистская лирическая муза Волошина уступает место новому для поэта гению – эпической поэзии. Но лирическое событие не сразу пришло на смену эпическому, а через его драматическое осмысление.

В книге «Anno mundi ardentis. 1915» поэт еще не выходит за пределы мифологического сознания. Несмотря на то, что автор непосредственно столкнулся с историческими реалиями Первой мировой войны в Европе, его поэтический талант реализовывался в архетипических пределах контакта личности с эмпирическими событиями. Исторические перипетии, очевидцем и участником которых стал Максимилиан Волошин, трансформировались в поэтическом сознании и представляли в универсальном контексте Вечности в библейско-христианском изводе. Одной из причин преобладающей мифологичности художественного мира, на наш взгляд, послужило то, что трагедия, свидетелем которой стал поэт, разразилась на его глазах, но не на его родине. При всем космополитизме М. Волошина – «в Москве француз, во Франции – москвич» [7, с. 227], – что позднее ставили ему в укор, при его органичной причастности мировой культуре, при его тотальном пацифизме, он еще не ощутил в полной мере всего масштаба мировой трагедии. Индивидуальное, человеческое понимание открывшейся бездны настигло поэта, когда «мировой пожар» охватил его отечество. Тогда к нему пришло осознание «личной ответственности» и «за поведение России» [3, с. 586], и за ее судьбу, а в стихах, по выражению А.К. Герцк, «появилось чувство родины» [3, с. 766].

«Демоны глухонемые» презентуют новые аспекты авторского сознания, которое, несомненно, эволюционирует от книги к книге, не отказываясь от наработанного лирического художественного опыта, продуцирует иные отношения со своим эстетическим объектом. В данной работе предполагается выявить стратегии авторского сознания при формировании книги стихов «Демоны глухонемые»,

осмыслить апробируемые М. Волошиным отношения авторско-геройного плана в его поэтических произведениях.

Замысел книги возникает у М. Волошина к концу 1917 года, когда он уже в Коктебеле переживал все трансформации менявшегося на его глазах родного пространства и времени. В автобиографии 1925 года поэт записал: «Вернувшись весной 1917 г. в Крым, я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую – и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой. Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся. Но в 1917-ом году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября, и в 1918 г. я заканчиваю книгу о революции «Демоны глухонемые» и поэму «Протопоп Аввакум»» [6].

Сведения о формировании и издании книги обнаруживаются в переписке автора. В архиве Дома Поэта хранится более трех десятков писем М. Волошина различным адресатам – А. М. Петровой, А. К. Герцык, Ю. Л. Оболенской, Г. А. Шенгели и др., которым автор отсылал свежие стихи, сопровождая их изложением своего видения исторических процессов, в каковые он сам оказался вовлеченным. Весной 1918 года работа над книгой была почти завершена, и поэт отослал ее в харьковское издательство «Камена», где она выйдет в январе 1919 года.

В лекции «Россия распятая» (1920), работу над которой М. Волошин начал в октябре 1918 года, уже после отправки книги в печать, автор прокомментировал связь стихотворений с историческими событиями, а также частично озвучил свои размышления относительно их природы в соответствии с собственными историософскими воззрениями. Наряду с комментариями событий внетекстового уровня М. Волошин изложил в лекции, как представляется, свою новую поэтологическую концепцию, осмысление которой позволит лучше понять замысел книги. «Если для лирического произведения поэту достаточно одной силы чувства и яркости впечатления, то для стихотворения, написанного на темы текущей современности, этого мало. Необходимо осознание совершающегося» [5, с. 455].

М. Волошин осознавал происходящее в эмпирическом времени страны и народа как трагедию в эстетически-онтологическом измерении, где герой по своей данности шире границ заданного мира. Преступая бытийную черту, он совершает выбор, за который неотвратимо следует расплата: «у каждого народа есть свой Мессианизм, другими словами, представление о собственной роли и месте в общей трагедии человечества. Первое – это логика развития драматического действия, которой подчиняется сам драматург, а второе – это причастность творческому замыслу Драматурга» [5, с. 456]. Как видим, поэтическая деятельность в данной трактовке ориентирована в драматическое русло.

Поэту, «отзывающемуся» на современные события, по мнению М. Волошина, необходимо совмещать в себе «два противоположных качества» – «аналитический ум», способность принимать решения в сложившихся «политических обстоятельствах» независимо от согласованности с собственными желаниями», и «глубокую религиозную веру в предназначенность своего народа и расы» [5, с. 455-456]. Оба эти качества, обеспеченные обширными философскими познаниями и христианским миропониманием, как представляется, и определили стратегии авторского сознания по формированию книги «Демоны глухонемые».

Относительно этимологии названия, о чем речь пойдет дальше, обнаруживаем опосредованные авторские рефлексии в статье «Поэзия и революция», посвященной творчеству А. Блока и И. Эренбурга, над которой М. Волошин трудился уже после составления книги. Как известно, критические размышления поэта о другом поэте выявляют собственные авторские прерогативы. Говоря о «другом» поэте, автор подсознательно, или сознательно, выговаривает свои эстетические и мировидческие приоритеты. В данном случае интерес вызывают рассуждения М. Волошина о способности поэта «откликаться на текущие исторические события». Как известно, именно лирика из всех родовых литературных типов способна передать непосредственное восприятие явлений современной действительности, но ее средств недостаточно для их глубинного всестороннего осмысления.

Первичной задачей, стоящей перед поэтом в данной ситуации, М. Волошин видит «называние» «всех вещей и всех явлений», а его долгом считает – «стать

голосом вещей и явлений глухонемых по природе своей» [5, с. 26]. Отдавая им свой голос, «поэт освобождает великих и мятежных духов, плененных в душных вихрях вещества и его страстей» [5, с. 26]. «Самым глухонемым, изо всех глухонемотствующих вихрей этого мира, нуждающихся в имени», М. Волошин считает «всякую текущую политическую борьбу с ее говорливостью», поэт же, в его трактовке, должен стать «голосом всей катастрофы и его творчество будет всегда стоять по ту сторону партийной слепоты» [5, с. 26].

Объективирование «другого», введение «чужого» голоса в поэтические произведения трансформирует изначальный лирический синкретизм авторско-геройных отношений. Для решения новых эстетических задач М. Волошину понадобились, кроме лирических, и другие – эпические и драматические средства, что и было реализовано автором в книге «Демоны глухонемые».

Непосредственное присутствие авторского сознания в эстетическом объекте эксплицируется, прежде всего, структурой и организацией художественного произведения. Книга «Демоны глухонемые» включает в себя заглавие; эпитафия из стихотворения Ф. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...», указывающий на генеалогию центрального образа; стихотворение с названием «Демоны глухонемые», повторяющим номинацию заглавия книги, и эпитафией из Ветхого Завета; трех разделов, включающих 24 отдельных текста, некоторые из них объединены в циклы, некоторые снабжены эпитафиями; и поэму «Протопоп Аввакум». Таким образом, вырисовывается новая для авторского сознания интенция построения книги – пятичастная. Как представляется, такая структура некоторым образом коррелирует с волошинской концепцией иерархии христианской Церкви, изложенной им в письме А. М. Петровой от 14-27 февраля 1918 года [3, с. 84-86].

Остановимся на трактовке названия. Известно, что номинация позаимствована М. Волошиным у Ф. Тютчева, строфу из стихотворения которого он использовал в качестве эпитафии ко всей книге: «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой» [1, с. 4]. «Явлениями глухонемыми», как их назвал М. Волошин, в эзотерических источниках считаются стихии, элементы физической энергии, обладающие примитивным сознанием,

которым может управлять человек посредством ментальной силы. Будучи знакомым со многими эзотерическими учениями, М. Волошин понимает их природу – «Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он знак» [2, с. 527]. Одухотворение стихий произошло в мифологическом сознании человечества, они стали трактоваться в языческой культуре как духи стихий, или демоны. Позже такая трактовка перешла и в христианскую религию, хотя в православной традиции бессознательные бестелесные существа получили более употребительное название бесов.

Цель поэта, в понимании автора, как уже указывалось, – освобождение «великих и мятежных духов», которое должно произойти через их «изназвание». М. Волошин, находясь в пределах западно-европейской культурологической парадигмы, дифференцирует демонов и бесов, что подробно излагает в письме к А.М. Петровой, высказавшей неудовлетворенность названием книги: **«Ведь Демон <...> не непременно бес – это среднее между Богом и человеком: в этом смысле ангелы – демоны и олимпийские боги – тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением»** [2, с. 526]. М. Волошин в данной номинации, из которой он формирует художественный образ, акцентирует его субстанциальную характеристику – «глухонемому», которую считает «неизбежным признаком посланничества», что подкрепляется у автора и текстом из книги Исайи, который предваряет первое стихотворение сборника, – «Они ведь только уста, через которые вещает Св. Дух» [2, с. 527].

Эпиграф из тютчевского стихотворения предшествует всей книге и раскрывает трактовку ее заглавия и номинации названия первого, вводного текста, расположенного за пределами разделов. Таким образом авторское сознание выносит на внетекстовый уровень книги исходную этимологию центрального образа. У Ф. Тютчева «демоны глухонемые» на хронотопном уровне помещены в природное пространство – «ночное небо», «поля и дальние леса», а на образном – введены в состав сравнения, вырастающего из параллелизма – «зарницы огневые, как демоны глухонемые» – физического и метафизического планов. Поскольку метафора «огневых зарниц» построена на символической семантике любого верховного

языческого божества, то и «демоны глухонемые» в тексте являются его атрибутом. Но не только. Именно «демонам» в данном случае дана сила и способность «озарить» «темноту» – «И быстро выступят из мрака / Поля и дальние леса». «Демоны» в данном контексте выступают не только посредниками, но орудием «таинственной» «высокой» силы, замысел «деяний» которой скрыт от природного мира. Их задача – «осветить» темноту, позволить несовершенным аспектам проявить себя с целью, надо понимать, исполнения и изживания своей роли.

В стихотворении «Демоны глухонемые», предшествующем первому разделу, М. Волошин дает собственную трактовку художественному образу, вынесенному в заглавие книги, заявляя ее тематическую направленность. На сюжетном же уровне книги в целом оно оказывается не только вводным, эксплицирующим экзистенциальные вопросы авторского сознания, ответом на которые станет весь текст сборника, но и ее онтологическим центром.

Отдельно необходимо остановиться на эпиграфе к данному стихотворению. Это фрагмент из ветхозаветной книги Исаии – «Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа?» (Исайя 42, 19) [1, с. 5], – который М. Волошин, исходя из его пояснений А. М. Петровой, использует для подкрепления «посланнической» природы «демонов глухонемых». Но, в свете авторской же рефлексии относительно творческой деятельности – «Истинная ценность художественных произведений <...> кроется не в замысле, не в намерениях автора, а в том подсознательном творчестве, которое прорывается в произведении помимо его воли и сознания» [5, с. 27] – смысл его гораздо глубже. В начале 42 главы книги Исайя парафрастический образ «раб Мой» имеет четкую аллюзию на Христа – «Вот, Отрок Мой, <...> избранный Мой, <...>. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; <...> будет производить суд по истине» (Исайя 42, 1-3). И если в объяснении демонической природы (в письме к А. М. Петровой) М. Волошин указывал на ее проявлении в «человеке или явлении», то за пределами такой трактовки вырисовывается авторская дифференциация

«глухонемы» на божественном и человеческом плане, что воплотиться автором в лирическом сюжете книги.

Далее, в первом же стихотворении обнаруживается ведущая поэтологическая особенность субъектной организации отдельных текстов. Субъектный уровень текста представлен внеличной формой, которая актуализирует повествовательный дискурс, а сфера «другого» – местоименной формой «они» и «лицом Господним». За номинацией «они» стоят «демоны глухонемые», заявленные в названии книги и в эпитафиях. Подчеркнем, в самом тексте «демоны» не номинированы, а проявлены качественной характеристикой – «слепые и глухонемые» и своими действиями – «чертят знаки огневые», «бездны озаряя», «кидают вещей луч». При этом, «Они творят, не постигая / Предназначенья своего» [1, с. 5]. То есть, они являются орудием в руках Ветхозаветного Бога, посредниками между имплицитным лирическим «я» и «лицом Господним». Подчеркнем, из трех субъектных форм две – и перволичный субъект, и «другой»-«демоны», – не номинированы в тексте. Так в первом стихотворении формируется со-бытие человеческого и божественного планов, презентованное через посредников-посланников – «демонов», «духов стихий», роль и смысл которых в человеческом бытии предстоит постичь авторскому сознанию и «изназвать» в ходе разработки лирического сюжета книги.

Первый раздел состоит из 11 текстов и предварен эпитафией из поэмы «Протопоп Аввакум» – «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, / Да очервленит ю кровью мученической» [1, с. 8]. Так авторским сознанием вводится первый демонический образ, наделенный высшей силой выявлять несовершенство человеческой природы. Заглавие раздела соответствует названию стихотворения «Ангел мщенья», расположенного в нем на втором месте, первым же поставлено «Предвестия». Оба текста отличаются тем, что были написаны автором задолго до событий, которые стали предметом поэтической рефлексии в анализируемой книге, они ранее опубликованы в сборнике «Стихотворения 1900-1910». Примечательны они были для первого сборника поэта тем, что через них в мифопоэтическое авторское сознание проникает современный историко-политический контекст. Среди всего массива ранних стихотворений они выделялись своей привязкой к конкретным

событиям, свидетелем которых стал М. Волошин, в них история перемежается с мифом, а реальность с мистикой. Еще один текст, третий «России (1915)» написан ранее, в период Первой мировой войны, но в книге «Anno mundi ardentis. 1915» (1916) его место обозначено строками отточий.

Стихотворения первого раздела на субъектном уровне организованы преимущественно внеличной субъектной формой. Это позволяет авторскому сознанию ввести в лирический мир повествовательный дискурс. На первый план выходят эпические события – мифологические и исторические, в которых ведущую роль играют «другие». В сферу других попадают образы «человеческие» и «духовные», персонифицированные и универсально-обобщенные, эксплицитные и имплицитные. Персонифицированные образы представлены преимущественно парафрастически – Юлий Цезарь, основатель Рима Ромул, Христос, Петр I; «духовные» дифференцируются на божественный план («Господь», «распятые серафимы», «кто-то» «всезрящий») и демонический («бесы», «трихины»); в собирательно-обобщенные образы «народ», «толпа», «люди» может включаться и перволичная форма, образующая коллективное «мы» – «С Россией кончено... На последях / Её мы прогалдели, проболтали...» [1, с. 13] и др. Специфика введения авторским сознанием в текст образа «другого» состоит в том, что он зачастую помещается на инициальную позицию – входит в заглавие. В особенности это касается универсалий «Родина», «Русь», «Россия», «город», «Петроград», которые в текстах персонифицируются. В самом же произведении такой «другой» может и не появиться (как в вступительном стихотворении «Демоны глухонемые», или, например, «Родина»). Если же присутствует, то включается авторским сознанием в непосредственные диалогические отношения с перволичным субъектом – «Что в том, Россия, тебе?» [1, с. 10]; «Ты, Русь глухонемая» [1, с. 14]; обращение к «Городу» – «Пойми, прости!» [1, с. 16] и др.

Кроме эпических отношений, в разделе эксплицируются и драматические, хотя только единожды – в стихотворении «Ангел мщенья». Если лирические и эпические отношения друг друга уравнивают в пределах раздела, то драматизация существенно акцентирует названный текст. Происходит это за счет введения

ролевого героя – «Ангела мщенья», который презентуется в стихотворении через перволичную форму, притом автор сознательно делегирует ему свой голос и форму, при сохранении различных ценностных систем. Как известно, в драме на первый план выходит слово, которое является и самохарактеристикой героя, и его поступком. В лирике ролевой герой, выраженный перволичной формой, отличается сценичностью, усиленной экспрессией. Чаще всего ролевой герой не является носителем авторской точки зрения. Поскольку самохарактеристикой для него является слово, авторскому сознанию важно на языковом уровне найти возможность отделения своей позиции и героиней. Как представляется, в волошинском стихотворении такая дифференциация эксплицируется в первом стихе, в инициальной позиции текста. Несмотря на то, что к «другому» – «народу русскому» обращение исходит от перволичной формы, эпитет «скорбный» позволяет отделить авторскую и героиную позиции, поскольку «мстящий» вовсе не «скорбит», не горюет и не печалится о страдающем от его действий.

Что касается собственно перволичного субъекта, выраженного местоимением «я» в стихотворениях раздела, он презентует «поэта», овладевшего высшей формы слова – молитвенного. Если в стихотворении «Россия», написанном, напомним, в 1915 году, перволичный субъект обращается с просьбой «Дай слов за тебя молиться» [1, с. 10], то в стихотворении «Русь глухонемая» появляется образ «избранного», который «вдали от битв / Куёт постами меч молитв» [1, с. 14]. «Избранность», как известно, в эстетическом дискурсе характеризует поэта, что характерно и для поэтологической концепции М. Волошина – «избранники, скитальцы и поэты». Оформляется новое, молитвенное, качество слова в «Молитве о Городе», где перволичный лирический субъект осуществляет свою миссию –

Мой город, залитый кровью  
Внезапных битв,  
Покрыть своею любовью,  
Кольцом молитв [1, с. 15].

Таким образом, в авторско-героинных отношениях раздела уравниваются лирические и эпические, но уже проникают и драматические. Ведущей характеристикой лирического субъекта раздела становится летописность и

молитвенность, а на сюжетном уровне эксплицированы первые осмысления демонической природы, проявляющиеся в судьбе народа и страны – возмездие («Предвестия»), свобода и справедливость («Ангел мщения»), братская любовь («Россия»), революционная идиллия («Москва»), страстность и одержимость («Петроград», «Трихины», «Русь глухонемая»), предательство («Мир»). Притом, авторское сознание практически каждое явление презентует как амбивалентное, в котором сочетается высший замысел и низменная реализация. Пытаясь занять нейтральную позицию, авторское сознание противопоставляет им лирического субъекта с верой в божественный промысел и молитвой за Родину:

Что как молитвенные дымы,  
Темны и исповедимы  
Твои последние пути,  
Что не допустят с них сойти  
Сторожевые Херувимы! [1, с. 16]

Второй раздел получил название «Пламенники Парижа». Находясь в огне революционных событий в родном Коктебеле, М. Волошин обращается за ответами относительно природы происходящего не только к библейскому контексту, но и к историко-документальным источникам, к примеру, трудам И. Тэна, где изложена история Великой Французской революции. Впервые к этой теме автор приблизился в 1906 году, в стихотворении «Голова madame de Lamballe», где речь идет о принцессе Кариньян, приближенной королевы Марии-Антуанетты, которая была растерзана толпой 4 сентября 1792 за отказ поклониться в ненависти к королю и королеве, о чем автор узнал из «Истории Французской революции Ж. Мишле. В письме М. Сабашниковой 16 марта 1906 года М. Волошин сообщал, что писал его «всё утро, добавляя: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его» [2, с. 519]. В стихотворении реализованы драматические отношения, перволичная форма отдана ролевому герою, что позволяет авторскому сознанию самоустраниться, предоставив читателю самому расставить ценностные акценты, хотя для человеческой природы они должны быть очевидны. Тем не менее, все, что описано в стихотворении, осуществляют люди, но, по замыслу автора, управляемые стихийными демоническими силами.

Всего раздел включает семь текстов. Последующие два – «Взятие Бастилии» и «Бонапарт» объединены под общим названием «Две ступени» и посвящены М. Цветаевой, которая была в Коктебеле в момент написания стихотворений. Следующие четыре пронумерованы и объединены заглавием «Термидор» (одиннадцатый месяц (19/20 июля – 17/18 авг.) французского республиканского календаря в 1793-1805). Не имея возможности в пределах статьи останавливаться на отдельных текстах, обозначим основные авторские стратегии. На субъектном уровне практически все тексты организованы внеличной субъектной формой. Сферу «других» формируют образы исторических личностей, сыгравших ведущую роль во Французской революции – «Камиль Демулен», «Лафайет», «Марат», «Сен-Жюст», «Кутон» и мн.др. Показательно, что названы имена революционеров, «король» же остается безымянным, а также то, что образ «Робеспьера» появляется в пяти текстах, чем акцентируется его роль в революционных событиях в рецепции М. Волошина.

В стихотворениях практически отсутствует перволичный лирический субъект. Авторское сознание дистанцируется от героического плана, в тексты вводится прямая речь «других», но при этом лиризм выполняет свою задачу. Позиция авторского сознания хоть и представлена имплицитным голосом, но рефлексивность, эмоциональность, субъективность оценок позволяет сохранять в качестве основных лирические отношения. В целом в разделе формируется облик лирического субъекта, осмысляющего исторические события на эпической дистанции, но в то же время они эксплицируются на современность. Ретроспективные оценки деятельности «других» субъектов позволяют лирическому субъекту сформировать собственное отношение к событиям, в которые вовлечен эмпирический автор. На сюжетном уровне формируется осмысление человеческих поступков под воздействием все тех же демонических сил. Французская революция проходила под лозунгами – «свобода, равенство, братство», «мир хижинам – война дворцам», реализация которых осуществима лишь через насилие и агрессию. Каждый из этих концептов также демонически амбивалентен, что и осознается лирическим субъектом. Но осознание требовало решения на текстовом уровне. Оно было найдено авторским сознанием через идею «избранничества» – о Робеспьере: «Он – избранный судьбой», а также

через пассаж с собственным именем: «Мир жаждет жертв, великим гневом пьян. / Тяжёл Король... И что уравновесит / Его главу? — Твоя, Максимильтян!» [1, с. 22]. Лирический субъект-поэт осмысляет свою миссию – жертвенность во имя спасения народа, что и возвращает весь раздел в лирическое русло.

Третий раздел «Пути России» включает шесть стихотворений, где изложена авторская историософская концепция. Пути развития России прочерчены авторским сознанием на историческом, мифологическом, метафизическом и мистическом уровнях, притом, в отдельных текстах представлен синтез этих направлений. Отношения авторско-геройного плана реализованы в лирическом русле («Святая Русь»), где лирический субъект формируется через диалог перволичного субъекта с лирическим «ты», в финале текста получающем имя – «Во Христе юродивая Русь» [1, с. 26]; эпическом («Ангел времен»), лиро-эпическом («Преосуществление»); драматическом («Дметриус-император», «Стенькин суд»). Последнее стихотворение «Видение Иезекииля» демонстрирует синкретизм лирических, эпических и драматических авторско-геройных отношений в силу немотивированных переходов от одной субъектной формы к другой, что присуще фольклорным и библейским текстам. Последняя форма способствует оформлению облика лирического субъекта раздела как летописца, способного охватить своим сознанием причины, мотивы, следствия и перспективы развития страны, на текстовом уровне представленной в образе лирической героини. Судьба лирической героини неразрывно связана в лирическом субъектом и определяет его роль в их со-бытии. Лирический субъект-поэт выявляет и называет демонические силы – бунт, своеволие, гордыню, которые не столько призваны обречь на страдание лирическую героиню, сколько избавить ее от несовершенства.

Поэма «Протопоп Аввакум», завершающая книгу, лиро-эпична по своей жанровой природе. Повествование ведется от первого лица, характер же главного героя представлен в трагическом изводе. М. Волошин долго и сложно писал поэму, стараясь сохранить стилистику «Жития протопопа Аввакума», написанного им самим, «его живую речь и интонации его голоса» [5, с. 367]. И здесь авторское сознание преследует цель – выявить демонические силы, определяющие характер

поведения человека и народа в целом. Перефразируя Ю. Крижанича, в изложении С. Соловьева, М. Волошин обличает «анархическое своеволие личности и крайний деспотизм государственной власти» [5, с. 366], а также «экстаз упорства Аввакума» [3, с. 768], что надо понимать как гордыню духовную, и что является проявлением крайнего, религиозного демонизма.

Таким образом, анализ стратегий авторского сознания по формированию книги «Демоны глухонемые» позволяет выявить характер авторско-геройных отношений, отличающихся усилением в лирическом дискурсе эпического и драматического начал, описать сущность лирического сюжета книги в целом и определить характер ее лирического субъекта. Пятичастная структура, как представляется, позволяет вписать лирический сюжет книги в авторскую концепцию иерархии христианской Церкви. Центральное место в книге принадлежит вводному стихотворению «Демоны глухонемые», где заявлена онтологическая проблема – сущность божественного промысла, осмысление которой стало целью авторских поисков. Божественное присутствие в мире разлито во всех его аспектах, в том числе, и в стихийных элементах, именуемых автором в соответствии с его онтологически-культурологической картиной мира – демонами. Они являются, с одной стороны, посредниками и посланниками божественной воли, следовательно, причастны его замыслу, но будучи по природе своей духовной субстанцией, они безучастны к душевно-телесному человеку – «слепые», «немые» и «глухие». С другой стороны, в земном измерении демоны измельчаются, трансформируясь в «мелких бесов», провоцирующих человека на неблагоприятные поступки. Но цель их, опять же, по высокому замыслу, остается прежней – извлечь из души человеческой все ее несовершенство. Задача, которую ставит авторское сознание перед своим лирическим субъектом-поэтом – выявить, «изназвать» этих «глухонемых» сущностей, чтобы таким образом освободить человека, народ, страну не столько от их присутствия, сколько от внутреннего «мрака», высветлить душу и вернуть ей первозданный божественный облик. В волошинской схеме церковной иерархии в форму креста вписаны евангелисты, пророки, звери зодиака и «общественные соответствия» в эволюционном и инволюционном ракурсе. Не дерзая устанавливать

строгую корреляцию с авторской схемой, с ней можно соотнести и основные демонические проявления человечества, которые акцентируются в четырех разделах – 1 – возмездие и справедливость; 2 – свобода и насилие; 3 – бунт и своеволие; 4 (поэма) – упорство и гордыня.

С первой задачей, как представляется, авторское сознание справилось. Вторая задача решается при непосредственной встрече авторского и рецептивного сознаний, притом, во втором из них. Теперь уже от читателя зависит, постигнет ли он смысл авторских называний и воспользуется ли его «словом» для собственного очищения от страстей.

#### Список литературы

1. Волошин, М. А. Демоны глухонемые / М. А. Волошин. – Харьков: Камена, 1919 (27 янв.). – 63 с.
2. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899 – 1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; Коммент. В. П. Купченко. – М. : Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.
3. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 10. Письма 1913-1917. / Максимилиан Волошин ; сост. А. В. Лаврова, подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко и др. – М. : Эллис Лак, 2011. – 832 с.
4. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 12. Письма 1918-1924. / Максимилиан Волошин ; сост. А. В. Лаврова, подгот. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой ; коммент. А. В. Лаврова и Г. В. Петровой. – М. : Эллис Лак, 2013. – 992 с.
5. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн 2. Проза 1900-1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой ; сост., подгот. текста А. В. Лаврова ; коммент. К. М. Азадовского, О.А. Бригадной, З. Д. Давыдова и др. – М. : Эллис Лак 2000, 2008. – 1088 с.
6. Волошин М. А.: Автобиография от 15.11.1925г. – машинопись с авторской правкой и добавлениями. (ДМВ, А 569 )

7. Чичибабин, Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Х. : Фолио ; Каравелла, 1998. – 463 с.

#### References

1. Voloshin M. A. *Demony Glukhonemyye* [Deaf Mute Demons]. Khar'kov, Kamena Publ., 1919 (January 27). 63 p.
2. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. Tom 1. Stikhotvoreniya i Poemy 1899 – 1926* [Collected Works. Vol. 1. Poems of 1899 - 1926]. M.: Ellis Lak Publ., 2000, 2003. – 608 p.
3. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. Tom 10. Pis'ma 1913-1917*. [Collected Works. Vol. 10. Letters of 1913-1917]. *Maksimilian Voloshin*. M.: Ellis Lak Publ., 2011. 832 p.
4. Voloshin M. A. *Sobraniye Sochineniy. Tom 12. Pis'ma 1918-1924*. [Collected Works. Vol. 12. Letters of 1918-1924.]. *Makimilian Voloshin*. M.: Ellis Lak Publ., 2013. 992 p.
5. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. T. 6, kn 2. Proza 1900-1927. Ocherki, stat'i, leksii, retsenzii, nabroski, plany* [Collected Works. Vol. 6, Book 2. Prose of 1900-1927. Essays, Articles, Lectures, Reviews, Sketches, Plans]. M.: Ellis Lak Publ., 2000, 2008. 1088 p.
6. *Voloshin M. A.: Avtobiografiya ot 15.11.1925 g. – Mashinopis' s Avtorskoy Pravkoy i Dobavleniyami. (DMV, A 569 )* [Autobiography from 11/15/1925. - Typewritten Copyright Edition with Additions. (UHF, A 569)].
7. Chichibabin B. A. *V Stikhakh i Proze* [In Verses and Prose]. Kharkov: Folio Publ.; Karavella Publ., 1998. 463 p.

**THE STRATEGY OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN THE BOOK BY M.  
VOLOSHIN DEAF MUTE DEMONS**

*Ostapenko I. V.*

The article analyzes the strategies of the author's consciousness on the formation of M. Voloshin's book *Deaf Mute Demons*, which allowed to reveal the nature of the author-hero relations, to describe the essence of the lyrical plot of the book as a whole and to determine the nature of its lyrical subject. The author-hero relations are distinguished by an increase in the lyrical discourse of the epic and dramatic beginnings, which ultimately leads to the syncretism of the tribal relations characteristic of folklore and biblical texts. The book reveals a five-part structure, which distinguishes its organization from previously formed collections. The lyrical plot of the book is inscribed in the author's concept of the hierarchy of the Christian Church. The central place in the book belongs to the introductory poem *Deaf Mute Demons*, where the ontological problem is declared - the essence of divine providence, the understanding of which has become the goal of the author's searches. With Voloshin's scheme of the church hierarchy, where evangelists, prophets, animals of the zodiac and "social conformities" are inscribed in the form of a cross in the evolutionary and involutory perspective correlate the main demonic manifestations of humanity, which are emphasized in four sections: 1 - retribution and justice; 2 - freedom and violence; 3 - rebellion and self-will; 4 (poem) - perseverance and pride. The lyrical subject-poet in the book solves the cognitive problem of the author's consciousness - reveals and "calls" "deaf-and-dumb" entities, thus freeing a person, a people, a country not so much from their presence, as from the inner "darkness", which returns to the "soul" its original divine appearance.

**Keywords:** M. Voloshin, *Deaf Mute Demons*, lyrics, lyrical subject, lyrical plot, author's consciousness, author-hero relations, role-playing hero, lyrical, epic, dramatic discourse.